

Инт. газ. - 1995 - 25 апр. - С. 24.

24

Наш гость - Марк РОЗОВСКИЙ, главный режиссер театра «У Никитских ворот»

Если ты провалишься, надо сказать себе: «Да провались все...» и делать вторую попытку

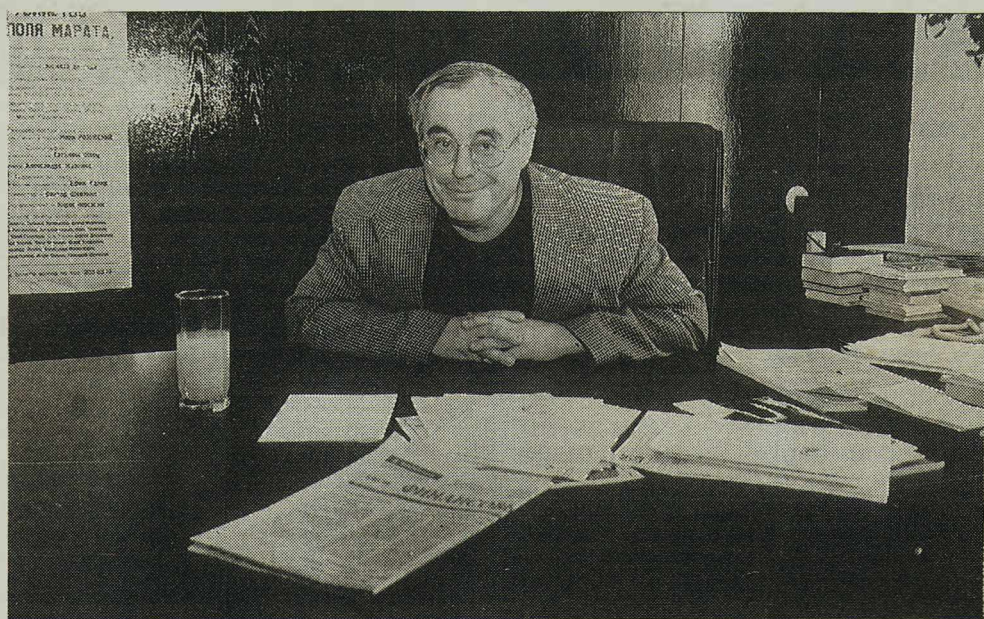
- Марк Григорьевич, часто ли Вы вспоминаете школу? И если да, то добрым ли словом?

- Не просто добрым, а самым добрым. Я учился в изумительной школе, не в какой-нибудь для избранных, а в самой обыкновенной 170-й мужской школе, находящейся в самом центре Москвы, между Петровкой и Пушкинской улицей, и окруженной со всех сторон театрами. Литературу у нас преподавала Лидия Герасимовна Бронштейн, маленькая, сухонькая женщина, казавшаяся нам старенькой. Василий Васильевич Суздаев, сокращенно ВВС, старорусский интеллигент, преподавал математику. «Народы, - обращался он к нам, - тише, народы, тише...» Так вот, у него я всегда получал единицы, а по литературе - сплошные пятерки. Кстати, этим отличался еще один ученик (все 10 лет мы учились в параллельных классах: я в «Г», а он в «Д», и нас путают до сих пор) - Эдик Радзинский. В нашей школе учились и Андрей Миронов, и драматург Андрей Вейцлер, и Людмила Петрушевская (это, правда, уже позже), и Илья Рутберг, с которым мы вместе делали студию «Наш дом», и Вася Ливанов - знаменитый актер, режиссер и писатель, наш российский Шерлок Холмс.

Представьте, по школьным тетрадям я сдавал университетские экзамены по литературе и снова получал пятерки, не считите это за хвастовство; вероятно, потому, что Лидия Герасимовна умела давать нам литературу не только по школьной программе. Она была инициатором школьных вечеров, конкурсов художественного слова: кто лучше прочитает стихотворение или прозу, и это было очень азартное дело. Так вот представьте, участвуя в таком конкурсе в самые что ни на есть сталинские годы, я прочитал на первом туре стихотворение запрещенного тогда Сергея Есенина «Письмо к женщине»:

Восьмиклассник в мужской школе, излагающий «Письмо к женщине» на школьном вечере! Раздельное обучение - и вдруг слово «женщина» из уст восьмиклассника! Да еще я так страстно все это произнес - все сказали, что я все это блестяще прочитал, но «это нам не нужно». Все, кроме Лидии Герасимовны, которая молчала и тихо улыбалась. Но я-то это сделал не с ее подачи, а сам выбрал. Почему? Этому я сам удивляюсь. Мне все сказали: «На второй, последний, тур надо поменять репертуар». Но я был мальчиком гадким и, согласившись с ними, выбрал поэму М. Горького «Девушка и смерть», где эротические мотивы были выражены в еще более резкой форме. Скандал был, естественно, еще больше. Мне даже не помогло, что сам И. В. Сталин написал на тексте этой философской и удивительно поэтической поэмы: «Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гете... И тогда Лидия Герасимовна совершила гениальный поступок. Мне дали третью премию, наказав за диссидентство. Но она убедила комиссию подарить мне том В. И. Немировича-Данченко, предназначавшийся победителю. И тогда я понял, что быть диссидентом - не самое страшное, что все-таки найдется кто-нибудь, способный когда-нибудь оценить тебя по гамбургскому счету.

Кроме того, Лидия Герасимовна делала замечательные школьные конференции, в которых я принимал участие. На моей памяти их было три. Для одной из них я делал доклад «Грибоедовская Москва», изучив для этого все произведения Дурьилина, знал уже тогда, кто такой Чаадаев. Поверьте, что в те времена добыть такие сведения было очень и очень непросто. Я сидел в библиотеках, делал выписки. Вот как преподавалась литература! Она пускала в нас своеобразную бациллу интереса к жизни, к миру, к литературе, ко всему, что окружает литературное произведение. На второй конференции по Гоголю я читал речь Тараса Бульбы о товариществе. А до этого она сводила нас на совершенно потрясающее исполнение И. В. Ильинским «Старосветских помещиков». Это одно из самых сильных моих впечатлений от того, как литературу можно произносить со сцены. Третья конференция была посвящена Маяковскому. Дело в том, что я увлекался чтением и знал всех артистов-чтецов. До сих пор я

слышу голос Д. Н. Журавлева, блистательно читавшего Пушкина. Боже мой, какое это счастье! Это удивительная звукопись, так артистично, так напевно и так мудро... А кумирами моими были А. Шварц, который читал «Мертвые души», тоже блистательно, и В. Аксенов, перед которым я преклонялся. Мальчишка, я, конечно же, его копировал. И вот его репертуар я принесил в школу, имея большой успех. Мне очень нравилось стихотворение «Тамара и Демон» (а в те годы это был неофициальный Маяковский), и я читал его на школьных вечерах.

- Марк Григорьевич, а как Вы поступали на факультет журналистики МГУ?

- Дело в том, что, будучи испорчен сценой и успехом, я после окончания школы имел глупость поступать в театральную вуз. Слава Богу, что меня не приняли, какой из меня актер? А

решил, а вторую не сумел. Ну что, горю со страшной силой. А педагог сидит в окружении девушек, и он (видимо, женоненавистник) измывается над ними. И вот он говорит: «А теперь вопрос на сообразительность. Что больше: логарифм по основанию 17 числа 18 или логарифм по основанию 18 числа 17?» Бедные девочки не сумели ответить, и он говорит: «Вы?» Я говорю: «Конечно, логарифм по основанию 17 числа 18». Он гордо берет мой экзаменационный лист и, не задавая никаких вопросов, вызывающе глядя в глаза этим девочкам, пишет мне «отлично». Так я получил «5» по математике впервые в жизни. А потом у меня тут же появился «хвост» по математике, потому что я ничего не понимал и не хотел. А потом пошел в МГУ. На очное отделение я не добрал одного балла и поступил на заочное. Потом уже перевелся и досдавал 22 экзамена - 22 «хвоста». Это было какое-то безумие.

- А шпаргалками вы пользовались?

- А как же! У меня даже есть монолог шпаргалщика, который читали и С. Фарада, и Г. Хазанов. А как-то был просто гениальный случай. Бабушка пришила мне на внутреннюю полу пиджака полотенце, и я мог положить туда даже книгу. А сессия шла в январе. И вот представьте себе: я сдал экзамен, попользовавшись шпаргалками, и вечером пошел на студенческий бал в Колонный зал. Выступает фокусник: подходит к человеку, раз - часов нет, раз - пиджак наизнанку. Вот он подходит ко мне. А я ужасно все это люблю, стою, естественно, забыл про полотенце со шпаргалками. Он лезет ко мне в пиджак, и я вижу его перекосившееся лицо: он не понимает, что за карман. Он раздражается, начинает меня вертеть, крутить, пихать, о чем-то меня спрашивает, я отвечаю, весело сопротивляясь, он что-то, наконец, вынимает... И я вижу у него в руках мои шпаргалки. Он говорит: «Что это?» Я говорю: «Отдайте!» Он, не поняв ничего, повертел меня и отпустил. Благо, он меня не разоблачил окончательно, потому что это были бы стыд и позор. Надо хранить тайнство шпаргалки до конца.

- Марк Григорьевич, а какой была тогда студенческая жизнь?

- Схема была та же самая. То, что сейчас называется «тусовкой», было и у нас. Были и выпивки, и любовные приключения, и музыка.

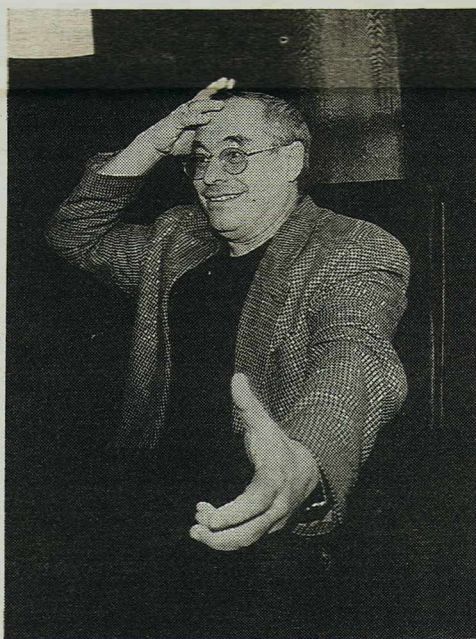
- А что дал вам журфак?

- Журфак давал блистательное филологическое образование. Если человек любит и хочет учиться, он получает от этого удовольствие. Когда Е. П. Кучборская читала античную литературу, это же был такой театр! Смешно после такого не интересоваться этим. Это такая энергия внедрения в тебя культуры!

- Что бы Вы могли пожелать сегодняшним абитуриентам?

- Бывает так, что знания есть, а вспомнить их ты не можешь. Это идет от трусости, от неуверенности в себе, от зажатости. Надо быть естественным и самим собой. Тогда ты успокоишься и вытащишь из своей памяти то, что нужно. Это первый совет. А второй очень простой: если ты провалился, ты должен сказать себе: «Да провались все...» и делать вторую попытку. Жизнь не кончается, поверьте. Она больше, чем поступление в институт. Меня вот не приняли в театральную, а всю жизнь занимаюсь театром и даже стал заслуженным деятелем искусств России. Надо легче относиться к ошибкам молодости и не делать трагедий. Вся жизнь еще впереди, молодым можно только позавидовать. Привет.

Ирина ГРИГОРЬЕВА

литература всегда была мне близка. Мои сочинения (кстати, и Э. Радзинского) всегда отправлялись на какие-то конкурсы как лучшие. Но мама хотела, чтобы я пошел в технический вуз. И с 1954 по 1955 год я учился в строительном институте - МИСИ. И туда я сдавал экзамен совершенно авантюрно, по математике-то всегда единицы. Я пошел самым последним, когда преподаватель стал уже совершенно обалдевшим. Я абсолютно ничего не знал. Первые три вопроса - теорию - я списал, а задачи... Одно-то я

